

Вера Петровна Желиховская

**Е.П.Блаватская и
современный жрец истины**

Вера Петровна Желиховская Е.П.Блаватская и современный жрец истины

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2382965*

Аннотация

«...на каком же основании г. Соловьев берется писать о женщине, которую так мало знает, и об ее деле, которого совсем не знает?.. Единственно на основании своих личных чувств и мнений?.. Но, если эти чувства и эти мнения *менялись*, подобно флюгерам, и в разные времена высказывались разное, – *каким* же заявлениям г. Соловьева надо верить? Он, без сомнения, может сказать, что тогда он ошибался, увлекался, был загипнотизирован, – как и утверждает по поводу своего видения Махатмы в Эльберфельде. Но если такие ошибки, увлечения и посторонние «внушения» – с ним вещь бывающая, – то где же основания читателям распознать, когда он пишет действительную правду, а когда морочит их своими ошибочными увлечениями или невменяемыми утверждениями гипнотика?.. Я не знаю!..»

Содержание

I	5
II	10
III	16

**Вера Петровна
Желиховская
Е.П. Блаватская и
современный жрец истины**

*Ответ 2-жи Игрек
(В.П. Желиховской) 2-
ну Всеволоду Соловьеву*

*Наговор этот худший из ядов, —
находит легкий доступ в мелкие умы.*

Ювенал

*Слушать явную клевету – ужасно!
Еще ужасней не возражать.*

Овидий

*Обязанность защищать ближнего, ужасленного
ядом клеветы, столь же жизненный принцип
истинного теософа, как и воздержание от
осуждений вообще.*

Блаватская

I

Игрек (Y) весьма прозрачный, а потому не совсем добросовестный и совершенно ненужный псевдоним, данный мне г. Соловьевым в его интересных статьях «Современная жрица Изиды», наконец, окончившихся в декабрьском № «Русского вестника».

Если эта латинская буква «Y», которой остроумный автор прикрыл только наполовину мою личность, в большинстве случаев называя меня прямо «Желиховской», кого-либо ввела в заблуждение, то я очень охотно разоблачаю сама себя, снимая прозвище, данное мне, вероятно, с единственной целью представить на суд публики не только мои разговоры, веденные восемь лет тому назад, – какая счастливая память у г. Соловьева! – но и мои письма...

Не имея необходимости скрывать или особенно стыдиться моих слов и писем – если они переданы в их истинном свете, – я ничего против этого не имею; тем более что, давая такими действиями и мне возможность пользоваться, без излишних колебаний, имеющимися у меня данными, он оказал мне услугу.

Я, к несчастью, не могу пересказать *дословно* своих разговоров с нашим славным романистом, как это делает он; но у меня, благодарение судьбе, есть возможность безошибочно передать *их сущность*, так как я и моя дочь постоянно ве-

ли дневники. Таким образом, не претендуя бороться с г. Соловьевым в красноречивом умении показывать *только свой* товар лицом, рассказывать так живо и занимательно, перепутывая быль с небылицей, что у читателей, по большей части ищущих в чтении лишь развлечения, пропадает всякая охота к критическому анализу описываемых «фактов» (?), а только остается приятнейшее впечатление от занимательного рассказа, – я буду все же надеяться, что некоторые из них обратят внимание и на мои скромные показания в пользу умершей сестры, за которую некому, кроме меня, заступиться.

Я, прежде всего, обращусь ко всем честным и справедливым людям с вопросом: что, безусловно, необходимо знать человеку, который берется писать о другом человеке?.. Кажется, в ответе разногласия быть не может. Каждый, вероятно, согласится, что ему необходимо знать этого человека, его деятельность, а если же он автор, то и его сочинения?..

На это вот мои свидетельства, от которых – надеюсь, – не сможет отречься и сам «сочинитель» «Современной жрицы Изиды»:

1. Г. Соловьев знал сестру мою, Елену Петровну Блаватскую, всего шесть недель в Париже да столько же в Вюрцбурге и несколько дней в Эльберфельде, где он оба раза навещал ее в качестве друга.

2. С ее деятельностью практической он *тогда* познакомиться не мог, потому что Теософического Общества в то

время еще в Европе не было; также и переводов теософической литературы, – кроме сокращенной рукописи «Isis Unveiled», – первого ее произведения, которое она сама (печатно) аттестовала неудовлетворительным, сбивчиво и неясно написанным.

3. Со многими произведениями последних лет ее жизни («The Secret Doctrine», «The Key to Theosophy», «The Voice of the Silence», «Gems from the East», «The Theosophical glossary» – и множеством статей в журналах и газетах Европы, Америки, Индии) г. Соловьев не познакомился и их не знает, по причине совершеннейшего незнания английского языка, ибо переводов и поныне почти нигде, кроме теософических журналов, нет. А ведь он теософской *ереси* (?!), по собственному заявлению, ныне чуждается... Да хотя бы и не чуждался, и в ней еще не нашел бы полностью сочинений Блаватской, иначе, как по-английски. А что этот язык ему незнаком, он сам заявлял не раз, как далее будет, впрочем, видно. Например, прося мою сестру об инструкциях на случай поездки к ней в Лондон, он прямо говорит: «Пришлите мне подробнейшие указания, – *ведь я немой для Англии!*». (Письмо 22 окт. 1884 г.), а в другом письме восклицает: «Какая подлость, что я не говорю по-английски!».

Итак, на каком же основании г. Соловьев берется писать о женщине, которую так мало знает, и об ее деле, которого совсем не знает?.. Единственно на основании своих личных чувств и мнений?.. Но, если эти чувства и эти мнения *меня-*

лись, подобно флюгерам, и в разные времена высказывались разное, – *которым* же заявлениям г. Соловьева надо верить?

Он, без сомнения, может сказать, что тогда он ошибался, увлекался, был загипнотизирован, – как и утверждает по поводу своего видения Махатмы в Эльберфельде. Но если такие ошибки, увлечения и посторонние «внушения» – с ним вещь бывалая, – то где же основания читателям распознать, когда он пишет действительную правду, а когда морочит их своими ошибочными увлечениями или невменяемыми утверждениями гипнотика?.. Я не знаю!

Что касается меня, то если б я, не дай Бог, показала на себя, когда-нибудь, такие ужасы нечестности и коварства, какие на себя взводит г. Соловьев (на стран. 51 февр. кн. «Русск. вестника»), – признаваясь, что он *«преувеличил свое незнание английского языка»*, чтоб *удобнее все подслушивать* и разузнавать; или, что во все время знакомства с сестрой моей, он *прикидывался* ее другом, – с тем лишь, *чтоб ее обмануть* и набрать как можно больше о ней сведений, которые впоследствии ему послужили к ее вящему обвинению, – да я бы с места признала себя заполоненной вражьей силой!..

Уж куда лучше быть под злым внушением или признать себя временно расстроенным, умственно, чем самого себя обвинять в таких невозможных подвохах.

Помилуйте! За что ж весь православный мир корит последователей Лойолы, как не за их постыдное правило оправ-

дывать средства – целью?.. Трудно верить, чтоб русский человек, известный писатель, поборник православия и гонитель всяческих ересей, каким себя провозглашает г. Соловьев, хладнокровно признавался в таких поступках, не будучи под влиянием какого-либо злостного «вселения» темной силы его обуявшей, или по крайности, болезненного бреда, делающего его неответственным в словах.

Я удовольствуюсь последовательными и по возможности краткими возражениями на его удручающие обвинения.

Начнем по порядку, с феврал. № «Рус. вестн.».

II

Меня, право, трогают горестные возгласы г. Соловьева о том, как он «*желал бы забыть* все то, что знает о несчастной Ел. Петр. Блаватской»!.. Как бы ему приятно было не касаться своего заветного «пакета с документами» (!?) против нее, – если б это было возможно!.. Одинаково тронута и поражена я упреками его в том, что я, – *я одна виновата* в нанесении ему этой нравственной пытки, своей беспримерной дерзостью: ознакомлением русских людей с хорошим мнением о ее деятельности и сочинениях некоторых умных иностранных писателей...¹

Могла ли я предвидеть такой печальный результат моих писаний?!

Никак не могла и не ожидала, а вследствие именно этого еще сильнее чувствую нравственную обязанность оправдать ее хоть от некоторых его... ошибочных нападок, происходящих от непонимания им дела и целей сестры моей.

Г. Соловьев доказывает, на примере (стр. 43), что «*феномены неразрывно связаны*» с Теософическим Обществом и моей сестрой; что из-за них она «превращалась в фурию» и очень недоволен, что я, сестра ее, умалчиваю об этом, совершенно забывая в своем благородном гневе, что даже, ес-

¹ Газ. «Новости». «Чужие мнения о русской женщине».

ли б он был и прав, так ведь самый закон милосердно освобождает кровных родных от обвинительных показаний. Кроме того, он, очевидно, забывает, что, никогда не интересуясь, как он, *собственно*, «чудесами», я и прежде не придавала «феноменам демонстративным», – так сказать, *материальным*, никакого значения в теософическом деле. Другое дело, проявление сил психических, каковы ясновидение, духовидение, психометрия, чтение мыслей и т. п. высшие духовные дары: их я всегда в сестре признавала. Да не пеняет на меня г. Соловьев за то, что, не будучи очень близко знакома, *de facto*, с Обществом, основанным моей сестрой, я и в этом вопросе более полагаюсь на мнение «иностранцев» близких к делу, чем на произвольные заключения свои или его: большинство самых преданных делу теософов, как г-жа Безант, профессора Бак, Фуллертон, Эйтон и множество ближайших сподвижников Е.П. Блаватской, в последние годы жизни ею приобретенные, – никогда, никаких чудес, видений или просто тех факирских фокусов, которые сама она называла «psychological tricks»², – *не видали*, не интересовались ими, и разговаривать о них не желали. Они в них не признавали никакой важности, ни малейшего значения. Точно такое же мнение о феноменах выражали и видевшие их, как, например, д-р Фр. Гартман, который их не отрицает, но положительно отрицает их необходимость или важность. Он даже, по этому поводу, написал сатирический

² Психологические трюки (*англ.*). – *Ред.*

роман «The talking Image of Urrur», где смеется над людьми, в них полагающими все значение теософии. А если б Блаватская не сочувствовала его мыслям, то, разумеется, не напечатала бы его в своем собственном лондонском журнале «Люцифер».

Приводить здесь пространные мнения выше названных и других, лучших работников и писателей между теософами, которые находят, как и все знающие близко дело, что несдержанные рассказы Олкотта, Синнетта, отчасти Джаджа и других приверженцев феноменальной стороны учения, много повредили их делу, – здесь невозможно; но ведь теософические журналы Индии, Америки и Европы открыты для интересующихся специально этим вопросом. Есть и нетеософические органы, как, например, лондонские «The Agnostic Journal», «The Review of Reviews» или «The North American Review», и многие американские периодические издания, которые очень дельно говорят о теософии, не придавая никакого значения феноменам – и не принадлежа членам Общества. На стран. 611-й «Русского обозрения», в моей статье «Е.П. Блаватская», желающие могут прочесть о ней и деле ее мистера Стеда, издателя «The Review of Reviews»; там же можно найти и указания на статьи и людей, подтверждающих мое мнение. А именно: что видящий и придающий значение в теософическом учении одним феноменам, – астральным полетам да письмам Махатм, уподобляется червю, созерцающему лишь кончик сапога великолепно одетого человека.

Смело утверждаю, что, несмотря на не совсем учтивое и совершенно неосновательное мнение г. Соловьева о неверности моих показаний и возможности, по его убеждению, подтасовки и неаккуратности переводов, все, указываемое моими ссылками, будет достоверно найдено, и все переводы окажутся верными.³

Уж такая странность г. С-ва: внушать читателям собственные, ни на чем не основанные предубеждения и, голословно обвиняя других в слабостях, ему самому присущих, – твердо рассчитывать, что ему все поверят, как безусловному авторитету. Он то и дело бросает подозрение на верность моих ссылок, которых верно сличать не трудился; а то, иногда и просто – конечно, по рассеянности – приписывает мне лично показания и убеждения совсем других людей, против мнений которых я и сама часто ратую... Эти ошибки будут мною везде указаны, и вот, для начала, пример.

Г. Соловьев пишет (стр. 42, февраль): «Если б сочинения Е.П. Блаватской были, как рассказывает 2-жа Желиховская, произведениями ее таинственного учителя, великого мудреца-полубога, диктовавшего ей...» и т. д. Отсылаю всякого грамотного человека к моей статье в ноябрьской книге «Русск. обозрения» за 1891 г., и там он сам прочтет в главах III, IV и VI, как я не верила этой диктовке; как восставала против этого показания, серьезно опасаясь за рассудок моей

³ Имею письменные доказательства в верности моих переводов от лиц, писавших статьи. Об этом речь впереди.

сестры, и ей самой прямо высказывала это недоверие.

Из чего же г. Соловьев заключил, что я, в то время даже не верившая в существование самих Махатм, утверждаю то, против чего сама же восставала?.. Он, верно, невнимательно прочел мою статью, иначе знал бы (стр. 269 «Русск. обзор.»), что я даже была повинна в непонимании возможности *внушений*, которую мне объясняла сестра в письме, начинающемся со слов:

«Ты вот не веришь, что я истинную правду пишу тебе о своих *учителях*. Ты считаешь их мифами...» и пр.

Вот, что заметил бы г. Соловьев в «*моих*» рассказах... Повторяю: я, когда-то, имела даже глупость не верить внушениям, тогда, как он широко допускал их могущество. Я вижу это из его указаний на будто бы внушенное ему моей сестрой видение Махатмы Мории. Ведь он его не только лицезрел *в продолжение целого часа*, но даже имел с ним конфиденциальный разговор о своих *интимных* делах, – как печатно сообщил в журнале лондонского Психического Общества. Все это под влиянием коварного внушения Блаватской! Мало этого: там же, в Эльберфельде, она еще «внушила» ему такой разговор, который пришлось, – как калоша к сапогу – к смыслу письма, вложенному этой самой «ужасной женщиной» «*заранее*» в тетрадь, которую он сам, г. Соловьев, держал в руках... Это изумительное происшествие красноречиво описано им самим в письме, о существовании которого, вероятно, он забыл, ибо я с изумлением нахожу (на

стр. 205, апр. «Р. в.»), что он нашел более для себя удобным его *заменить* выдуманной им смехотворной сценой, которой никогда не бывало... Охота уступать такие преимущества, ему лично оказываемые Махатмами, бедному Олкотту!.. Все от забывчивости!.. Но я, в своем месте, восстановлю это событие в его истинном свете, письмом самого «жреца истины» (тоже *fin de siècle*⁴?) г. Соловьева.

Как бы то ни было, забывает или чересчур запоминает он факты, но они остаются *фактами*, и из них ясна полная непоследовательность его. Почему же Блаватская ему внушала и видения, и разговоры; а он не хочет допустить, чтоб кто-нибудь, сильнейший ее, мог и ей внушать умные вещи?.. Мне, вот, никогда внушений не было, и я долго им не верила, имея на то полное право; господин же Соловьев никакого права не имеет отрицать возможность влияния других на Е.П. Блаватскую, коль скоро он уверенно заявляет, что сам находился под влиянием ее зловредных внушений.

Кажется, это ясно?

⁴ *Fin de siècle* – эпитафия к сочинению Вс. С. Соловьева, смысл которого разъясняется в гл. XXIX. – *Ред.*

III

Повинуясь хронологическому порядку, я здесь обязана по чести заявить, что весь разговор г. Соловьева с моей сестрой, по поводу мистера Джаджа (стр. 55), есть положительно плод его романической фантазии.

Все сколько-нибудь знающие м-ра Джаджа, его прошлую и настоящую деятельность и постоянные к нему отношения Е.П. Блаватской, несомненно, подтвердят мое показание. Этот очень уважаемый в Нью-Йорке законник, издатель журнала «The Path», бывший (со дня открытия Общества) представителем американских теософов, ныне единодушно избранный будущим президентом всего Теософического Общества, – вместо, по кончине сестры моей, желающего выйти в отставку полковника Олкотта, – никогда не был похож на мрачного злодея, которым г. Соловьеву вздумалось его выставить.

Мне, конечно, могут не поверить более доверяющие показаниям г. Соловьева, тем не менее, я должна заявить, что, почти каждый год, встречая Джаджа у сестры моей в Лондоне, знакомя с их перепиской, я достоверно знаю, что она не могла ни думать о нем дурно, ни, еще менее, так его порочить пред посторонним человеком, видимым ею во второй раз в жизни.

На удостоверение г. Соловьева в том, что *ему верно из-*

вестно (?!), что я сама была членом Теософического Общества (стр. 60), – я отвечать документально не стану, видя в этом лишь безобидное для меня заблуждение; что же касается до следующих за сим непосредственно уличений меня в невежестве, я и совсем спорить не стану. Я даже поблагодарю его за доброе желание просветить меня к концу моей жизни, дав мне уразуметь разницу между супостатом Арием и – древними арианами или арийцами, о которой я, по мнению его, позабыв тексты учебников начальных школ, утратила всякое представление...

Но вот за что я уж никак не могу его благодарить: зачем он отрекается от собственных слов и собственных желаний?.. Зачем говорит (стр. 69), что удивился, когда ему «случайно попались» мои корреспонденции из Парижа в одесские газеты в 1884-м году, явно этим нарушая истину!.. Я тогда же, возвратившись в Одессу, поспешила ему послать сама свои фельетоны в «Одесск. вестн.» и «Новорос. телеграфу», потому что ведь мы с ним там сговаривались писать их, я – в провинциальных, он – в столичных газетах. Почему же он *тогда* сразу не удивился моим на него «поклепам»?.. Почему, будучи со мной после этого в продолжение двух лет в постоянной переписке и в величайшей дружбе, он никогда не заявлял мне своего неудовольствия по поводу того, что я в них упоминала его имя и ссылалась на его свидетельство?!

Почему же, наконец, сочинитель эпопеи «fin de siècle» ни полусловом в ней не упомянул о том, что «о феноменах» не я

одна писала, а корреспондировал и он, да еще как красноречиво! Желаящие убедиться в этом красноречии да обратятся к журналу «Ребус» (1 июля 1884 г.) и да прочтут рассказ г. Соловьева под заглавием «Интересный феномен». Это один из *позабывтых* им, о которых я, в числе многих других, могу напомнить ему отрывком (его касающимся) из собственного письма его, от 6/18 августа 1884 г. сестре моей, в Лондон:

6/18. Авг. 1884 г.

Paris. Rue Pergolese.

«...Alea jacta est⁵ – мое письмо в «Ребус» подняло уже некую бурю, и меня начинают засыпать *вопросами*: что? как? неужели?.. Ma ligne de conduite est tranchée⁶ – и вы ее должны знать. Насмешек не боюсь, к эпитетам глупца, сумасшедшего и т. д. равнодушен. Но *за что вы от меня отказываетесь?.. Я не могу думать, что какой-либо «Хозяин» (Махатма) сказал вам, что вы ошиблись, и что я вам не нужен!*».

Вот как прежде г. Соловьев боялся, чтоб Е.П. Блаватская не послушалась своих «учителей» – когда они стали говорить, что он Обществу «*не нужен*»! Это знаменательно... Но впоследствии он позабыл это обстоятельство, как позабыл и самое существование фельетона в «Ребусе», – обвиняя меня одну в письмах, которые любопытные писали ему по поводу

⁵ Жребий брошен (лат.). – *Ред.*

⁶ Моя линия поведения резко очерчена (фр.). – *Ред.*

феноменов?

У него вообще память очень своеобразна: то он запоминает от слова до слова разговоры, веденные восемь лет тому назад, то забывает вещи, случавшиеся гораздо позже. Так, например, он страшно меня разудивил (на той же 69-й стр.) замечанием: почему я ни одним словом не упоминаю о нем в биографии сестры моей... Я очень резонно могла бы ему отвечать, что в такой маленькой заметке о такой большой женщине и таком значительном деле не может быть речи о людях, бесследно мелькавших на пути их, как промелькнул он со своей единственной, тоже им одураченной (как и мы были одурачены когда-то!) сторонницей, m-me de Morsier. Ведь это он силится доказать, что нанес великий ущерб Теософическому Обществу; а на самом-то деле «l'incident Soloviof»⁷, как в то время называли кутерьму, поднятую его же ухищрениями, в миниатюрном кружке парижских quasi теософов, прошел «Обществом» почти незамеченный и ровно никакого следа в нем не оставил.

Казалось бы, как не знать этого г. Соловьеву и не удовольствоваться такой ясной причиной. Но он ею не довольствуется, и заставляет меня ставить точки на і. Говоря же его словами, – он «не позволяет мне забыть моего пакета с документами» и принуждает рассказать, какую неблагоприятную роль он сыграл в кратковременных сношениях с моей сестрой, и доказать, что, не помяная его имени без нужды, я только ща-

⁷ Инцидент Соловьева (фр.). – Ред.

дила его.

Впрочем, могу и еще напомнить ему факт, принадлежащий ко многим, бесследно им позабытый: он сам неоднократно просил меня и всю мою семью никогда не поминать его имени в соединении с именем Е.П.Блаватской или ее Обществом. Я охотно исполнила его желание, тем более, что мне и самой претит касаться этих крайне тяжелых воспоминаний. Уверяю г. Соловьева, что никакого расчета на его «человеческую слабость», а еще менее «на его стыд» – ложный или не ложный, – у меня не было; а я просто оказывала ему снисхождение и была уверена, что он будет мне благодарен за мое молчание, – насколько человек, подобный ему, может испытывать благодарность – это свойство великих душ...

Вижу теперь, что еще раз в нем ошиблась и, разумеется, буду отвечать прямыми опровержениями на его не всегда прямые показания.

Закончу обзор первых 4-х глав статьи г. Соловьева восстановлением еще нескольких его... ошибок.

На страницах 70-х он перечисляет *всех*, кто, по его заключениям, бывал в Париже у Е.П. Блаватской, определяя их точное (!) число в 31-го человека... «Ну, скажем, *тридцать пять* (курс. автора), – милостиво прибавляет он, – на случай, если бы я забыл, кого-нибудь *из совсем уж, вообще или в то время, невидных, без речей...*». Ну, как же не заметить, что г. Соловьев, коря меня за то, что я «пишу историю, как повести для легкого чтения», – сам непростительно увлекает-

ся своей фантазией присяжного романиста?.. Почему думает он, что его статистическим спискам лиц, знакомых его знакомым, все обязаны верить непреложно?.. Словно он служил у моей сестры консьержем и делал отметки всем входящим и исходящим!..

Я жила в доме ее во все время пребывания Е.П. Блаватской в Париже, ежедневно писала дневник, но знаю, что и в него вошли далеко не все ее посетители и никогда не могла взять на себя их перечисление, – занятая своими делами и довольно часто отлучаясь из дому. Знаю лишь *достоверно*, что в доме был постоянный водоворот посетителей. Каким же образом посторонний человек, бывавши, правда, почти каждый день, но все же не целыми днями сидевший у нас в гостиной, может подводить итоги и представлять именные списки (да еще с аттестатами зрелости или незрелости – в придачу!), уверенно определяя даже *число посещений*, чужих гостей?!. Можно мнить себя непогрешимым папой, но, кажется, неудобно себя самого заявлять им.

Некоторые определения г. Соловьева я положительно должна оспорить, не входя, разумеется, с ним в препирательства насчет множества им пропущенных лиц, а тем менее насчет того, кто сколько раз, – один или десять, – бывал у сестры моей.

Свое личное мнение, до некоторой степени, никому не воспрещается заявлять, но нельзя так бесцеремонно превозносить качества и преимущества своих друзей, в ущерб дру-

гим и в явную клевету на своих недругов. Напрасно г. Соловьев, провозглашая таланты г-жи де-Морсье, называет ее «*настоящим автором теософических брошюр, издававшихся под видом произведений дюшессы де Помар, леди Кейтнесс*», – аттестуя эту последнюю какой-то полоумной. Lady Caithness издала и издает не одни теософические *брошюры* (она во многом с учением теософическим не согласна); она написала несколько увесистых, более или менее философских сочинений и постоянно издает журнал «L'Aurore». Как очень богатая женщина, она хорошо платит г-же де Морсье за то, что та переводит ее рукописи с английского языка, на котором легче писать леди Кейтнесс, на французский, – которым она не так свободно владеет; быть может, m-me de Morsier, исполняет и еще какие-нибудь редакционные дела – я не знаю; но следует ли из этого, что она *пишет*, а герцогиня *пользуется* ее славой?..

Я довольно близко знаю леди Кейтнесс; мы иногда переписываемся о вещах, нас интересующих; я уважаю ее за верность дружбы ее с моей сестрой, несмотря на многие несогласия во взглядах, и мне было бы приятно, если б мои показания могли осилить далеко неверное свидетельство г. Соловьева. В виду этой цели, я написала ей, прося ее засвидетельствовать мою правду, и вот что получила в ответ:

29 дек. 1892 г.

Париж. Avenue de Wagram 124

«Дорогая m-me Jelihovsky, госпожа де Морсье была у меня, когда я получила письмо ваше касательно мнения г. Соловьева о моих статьях. Я очень возгордилась тем, что он счел их достаточно хорошими, чтобы принадлежать ее перу... Но только это не так: я пишу их сама, а она так добра, что их переводит на французский язык.

Я, конечно, ей прочла ваше письмо, и она просила у меня позволения сама написать и сказать г. Соловьеву, что он ошибся; ибо она слишком правдива, чтоб ему позволить остаться под впечатлением, что мои статьи – ею написаны. Что за странный он должен быть человек, чтобы так думать!.. Но, как я уж ранее заявила, – я принимаю это за комплимент, зная, как он преклоняется перед m-me de Morsier. Только боюсь, что, узнав правду, он больше никогда не захочет читать моих писаний... А это было бы очень печально, так как они весьма религиозны и нравственны и рассчитаны на то, чтоб *делать дурных людей – добрыми*, а хороших – еще лучшими!..».

Подписано: «Мария Кейтнесс, герцогиня де Помар».

Несколько дней спустя, я получила, неожиданное мной никак, письмо от самой главной сподвижницы г. Соловьева, г-жи де Морсье.

Вот оно.

28 янв. 1893 г.

Париж. Ул. Клод-Бернар 71.

«Madame, герцогиня де Помар мне сообщила, что вы ей пишете, что г. Соловьев напечатал в русском журнале, будто я пишу статьи и брошюры, которые *она подписывает*.

Я непременно желаю удостоверить вас, что это показание неточно; что никогда, ни в какое время я ничего другого не делала, как только *переводила* творения герцогини де Помар и старалась их даже переводить построчно. Я бы хотела, чтоб по этому поводу не было ни малейшего сомнения, и вследствие этого и пишу вам эти строки.

Примите и пр.

Эмилия де Морсье».

К этому письму присоединено письмо г. Соловьева к г-же де Морсье (от 2/14 янв. 1893 г.), которым он удостоверяет, что «она сама, г-жа де Морсье, ему никогда не рассказывала о характере ее теософических и литературных работ с герцогиней и что эти сведения он почерпнул... из другого источника»...

Точно также неверно говорит г. Соловьев и о графине д'Адемар, из которой он делает пустоголовую, эмалированную куклу. Он объявляет, что «никогда от нее не слышал хотя бы чего-нибудь чуть-чуть теософического»... Очень быть может, что он и ничего не слышал, но если бы он имел обыкновение вникать добросовестнее в данные, которые провозглашает за истинные, то не мог бы не узнать, что графиня несколько лет издавала журнал, которого экземпляры лежат

и теперь передо мною. Вот его заглавие:

«Revue Thésophique». Redacteur en chef: Н.Р. Blavatsky. Directrice: Comtesse Gaston d'Adhémar.⁸ Из этих двух фальшивых показаний можно судить о других.

На странице 72-й г. Соловьев приводит письмо к нему Шарля Рише, очевидно, писанное после переполоха, надеванного между горсточкой парижских теософистов легкой М-me de Morsier? Вследствие веры ее в – опять-таки неверные, – свидетельства того же Вс. С. Соловьева. В этом письме Рише выражает недоверие к Блаватской и ее делу, – то есть собственно феноменам. А вот, как сам Всеволод Сергеевич расписывает о нем, в одном из писем своих к ней.

«Сегодня провел утро у Рише и *опять-таки* (sic) много говорил о вас, по случаю Майерса и Психического Общества. Я положительно могу сказать, что убедил Рише в действительности вашей личной силы и феноменов, исходящих от вас (курс. авт.). Он поставил мне категорически три вопроса. На первые два (?) я ответил утвердительно; относительно третьего (?) сказал, что буду в состоянии ответить утвердительно, без всяких смущений, через два или три месяца (!). Но я не сомневаюсь, что отвечу утвердительно, и тогда, увидите, *будет такой триумф*, от которого *похерят-*

⁸ Мне очень жаль, что я не могу по размерам статьи писать свободно все, что могло бы привести в пользу сестры моей. Иначе я непременно перевела бы сюда прекрасное письмо графини Адемар из «Люцифера» за июль 1891 г., которым она чествует память Е.П.Б[лаватской], напоминая м-ру Джаджу о «чудных двух неделях», проведенных ими в Enghien, в гостях у нее.

сы (?!) *все психисты!*».

Это письмо писано **8 Октября 1885 года**. Значит, в то время, когда г. Соловьев знал, как и теперь, все обманы и злостные дела «воровки душ», которую уже давно стремился обличить и обезоружить, дабы явиться самоотверженным спасителем «невинных душ» парижан, изловленных ею, как сенсационно рассказывает читателям в продолжение целого года. Так зачем же губил он «невинную душу» профессора Рише, утверждая его в погибельных заблуждениях, против которых, если верить ему, еще с осени 1884-го года облачился в латы и шлем Дон Кихота?!

«Странное дело! Непонятная вещь!», – остается нам воскликнуть. Не свидетельствует ли сей факт красноречиво, что я права, вопрошая в недоумении: когда же и которым именно показаниям г. Соловьева мы можем верить, ничем не рискуя?!

Я выше позволила себе назвать г-жу де Морсье – «легковерной». Но да не подумают читатели, что я это сказала от себя. Нет! я только повторяю слова ее друга, г. Соловьева. Дело в том, что он не всегда был ее другом: вначале мне не раз приходилось заступаться за нее в разговорах с ним; он подружился с нею уж после нашего отъезда, и вот, как писал нам об этом и о ней:

«...Был я целых три раза у m-me Морсье; она, кажется, добрая, но легковерна до комизма и в то же время считает себя скептической особой...» (7 июля 1884 г.). Увы! Вот этой-

то слабостью и воспользовались находчивые люди, чтоб ею орудовать по своему усмотрению... Но об этом после.

Вот еще отрывок из письма г. Соловьева Е.П. Блаватской, из Парижа в Лондон, месяцем позже (6 Августа, 1884 г.).

«...М-ме Морсье уехала к морю, очень довольная тем, что *Master* (учитель) узнал об ее страхе холеры и через *Djual Khool'a* (?) просил ее не бояться. Перед отъездом своим она, у старика Эветта⁹, пришла в экстатическое состояние, *ощу-пывала меня* (!?) и решила, что я «душка» и из одной с нею сферы, тогда как в бодрственном состоянии продолжает считать меня ледяным и загадочным человеком... Она славная и начинает мне нравиться; *но, если бы я был ее мужем – я собственноручно бы убил ее!*».

Что сей сон значит? – не нашего ума дело.

⁹ Это тот самый Эветт, магнетизер и друг бар. Дю-Поте, которого г. Соловьев так язвит на стр. 75–77.